

Ясавеев И.Г.

Социология социальных проблем

(Опубликовано: *Социология: учебное пособие / Под ред. С.А.Ерофеева, Л.Р.Низамовой. 2-е изд., перераб. и доп. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. С.262-282. ISBN 5-7464-0348-2*).

Познавать общество можно по-разному: изучая социальные институты, системы идей, способы производства, формы искусства, ситуации повседневного взаимодействия и т.д. Одну из возможных точек зрения на социальную жизнь предлагает и *социология социальных проблем*

– не традиционная для отечественной социальной науки, но уже заявившая о себе область социологического знания. Значение такой точки зрения обусловлено прежде всего сложностью и драматичностью тех явлений, что обозначаются понятием социальной проблемы. Опыт повседневной жизни, сообщения средств массовой коммуникации и данные социологических исследований свидетельствуют о том, что современное российское общество насыщено социальными проблемами в гораздо большей степени, нежели общество пятнадцатилетней давности. Бедность, безработица, преступность, коррупция, наркомания, распространение ВИЧ-инфекции, война на Северном Кавказе, угроза техногенных катастроф – это далеко не полный перечень тех явлений, которые вызывают у населения тревогу и беспокойство.

Социальные проблемы, “внезапно” обрушившиеся на нас, – что это? Нежелательные, но неизбежные следствия быстрого социального изменения, его побочный продукт? “Цена” преобразований? Неотвратимая реальность, с которой нам отныне предстоит жить и справляться, создавая их, используя в своей профессиональной карьере и устраняя во благо себе и другим людям? Поиск ответов на вопросы о том, какова природа феномена социальной проблемы, каким образом возникают социальные проблемы и какую роль они играют в процессах социальной трансформации, нелегко, но в конечном итоге приводит к неожиданным и порой захватывающим открытиям, позволяющим полнее понимать происходящее.

Значение этой области социологии подтверждается и тем, что посредством исследования социальных проблем мы получаем в конечном счете еще одну возможность проникновения в процессуальную природу общества, возможность увидеть, что общество – это не реальный объект, некая жесткая система, а процесс, постоянный поток социальных событий.

Возникновение понятия “социальная проблема” и ранние подходы к социальным проблемам. Представление о том, что в обществе существуют социальные проблемы, кажется таким же старым, как и само человечество. На самом деле это не так. Хотя трудности и страдания можно обнаружить в любом обществе в любой исторический период, идея о том, что они являются социальными проблемами, *относительна* *но которых что-то можно и*

необходимо предпринять, является относительно недавней. Исследователи утверждают, что осознание социальных проблем – общая тенденция видеть и осуждать условия несчастий, случающихся с незнакомыми, неблизкими людьми, решимость изменить эти условия – не могло появиться до возникновения в Западной Европе конца XVIII в. своеобразного комплекса четырех идей: старой идеи равенства и новых идей природного совершенства человека, изменчивости социальных условий и гуманизма. Наиболее значимую роль в признании существования социальных проблем в западном обществе Нового времени (т.е. эпохи модерна) сыграли: 1) светский рационализм, сущность которого заключалась в концептуальном переводе проблем и условий из древнего теологического контекста добра и зла в рационалистский контекст аналитического понимания и контроля, и 2) гуманизм как постепенное расширение и институционализация чувства сострадания¹.

Само словосочетание “социальная проблема” появилось в западноевропейских обществах начала XIX в. и первоначально использовалось для обозначения одной конкретной проблемы – неравномерного распределения богатства². Понятие

социальной проблемы как нежелательной ситуации, которую можно и нужно изменить, несколько позже используется в западных обществах при попытках осмыслить социальные последствия промышленной революции: рост городов, а вместе с ним и рост городских трущоб, разрушение традиционных жизненных укладов, размывание социальных ориентиров. В США понятие социальной проблемы стало использоваться в конце Гражданской войны 1861-1865 гг., вызвавшей резкое ухудшение жизненных условий большей части населения. В Англии существенную роль в осознании существования социальных проблем сыграли данные статистических обследований, появившиеся к концу XIX в. Статистические описания бедности некоторых слоев британского населения, представленные прежде всего Ч.Бутом и Б.С.Раунтри, поразили британскую общественность. По данным Ч.Бута

³

, опубликованным в 1889 г., одна треть жителей Лондона жила в ужасающей нищете. В Лондоне, согласно Ч.Буту, было 387 тыс. бедных, 22 тыс. недоедавших и 300 тыс. голодающих. Сходные данные привел Б.С.Раунтри в отношении рабочего населения английского города Йорка, треть которого находилась в состоянии физической или абсолютной бедности.

Концептуальным подходом, которым руководствовались первые социальные работники и исследователи социальных проблем в конце XIX – начале XX в., был подход социальной патологии

. Его фундамент составляет органическая аналогия, в соответствии с которой социальные проблемы представляют собой препятствия “нормальной” работе социального организма, своего рода болезнь или патологию, при этом истоки социальных проблем усматриваются в

¹ См.: Green, A.W. Social Problems: Arena of Conflict, N.Y., 1975, pp.31-32; Merton, R.K., Nisb et, R. (eds.) Contemporary Social Problems, 2nd ed., N.Y., 1966, p.7.

² См.: Schwartz, H. ‘On the Origin of the Phrase “Social Problems”’, in Social Problems, Vol.44, No.2, May 1997, pp.276-296.

³ Booth, C. Life and Labour of the People in London, London, 1889-1891.

изначальной, “врожденной” неспособности ряда индивидов к “нормальному” поведению. При этом различие между нормальным и патологическим, “здоровым” состоянием общества и его “болезнью” считалось в рамках подхода социальной патологии само собой разумеющимся. Ключевые понятия этого подхода – “болезнь”, “здоровье”, “патология” – в большинстве своем заимствованы из медицины.

Один из теоретиков данного направления Самуэль Смит, автор книги “Социальная патология” (Нью-Йорк, 1911), выразил его сущность следующим образом: “Патология в социальной науке определенным образом параллельна патологии в медицине. Точно так же, как изучение физического заболевания имеет важное значение для поддержания физического здоровья, так социальное здоровье не может быть крепким без более широкого и более определенного знания болезни социальной”¹.

Аналогия с медициной идет дальше интерпретации социальных проблем как болезней общества и вытекающего отсюда стремления “лечить” последние после их всестороннего изучения. Основным источником социальных проблем большинство “социальных патологов” находили в обусловленной наследственностью “порочной” природе отдельных индивидов. Яркий образец такого подхода к проблеме преступности представляют работы Чезаре Ломброзо (1835-1909). 1876 год – год выхода в свет в Милане его книги “Преступный человек”² – иногда считается некой вехой, отмечающей начало “патологического” теоретизирования. Важно отметить, что идеи Ломброзо и в целом подхода социальной патологии широко использовались российскими исследователями того времени при изучении преступности, проституции и других явлений

³. Так, известный русский врач Вениамин Михайлович Тарновский, основываясь на результатах своих антропометрических обследований проституток в середине 1880-х гг., в работе “Проституция и аболиционизм” сделал вывод о том, профессиональные проститутки “суть по большей части болезненные или недоразвитые существа, отягченные неблагоприятной наследственностью, представляющие несомненные физические и психические признаки вырождения”

4.

Подход социальной патологии довольно долгое время (до Первой мировой войны) служил единственным основанием для исследований социальных проблем. Расцвет этого наиболее простого направления в социологии социальных проблем приходится на

период между 1890 и 1914 гг. Современные историки социологии связывают его доминирование с тем обстоятельством, что в условиях ровного и постепенного социального

¹ Smith, S. 'The Organic Analogy', in Rubington, E., Weinberg, M.S. (eds.) *The Study of Social Problems*, N.Y./Oxford, 1995, p.21.

² См.: Lombroso, C. *L'Uomo Delinquente*, Milan, 1876.

³ См.: Тарновская П.Н. Женщины-убийцы. – СПб., 1902; Тарновский В.М. Проституция и аболиционизм. – СПб., 1888; Оболенский Л.Е. Что в обществах следует считать болезнями? Опыт введения в общественную патологию // Мысль. – 1880. – №7. – С.57-76.

⁴ Тарновский В.М. Проституция и аболиционизм // Антология социальной работы. В 5 т. Т.2. Феноменология социальной патологии. – М., 1995. – С.123.

изменения в большинстве обществ до Первой мировой войны существующее положение вещей воспринималось как нормальное. В такой атмосфере естественно было рассматривать девиантных индивидов как "больных", а нежелательные ситуации – как "болезни общества". Начиная с 1914 г. подход социальной патологии переживает медленный, но неуклонный упадок.

Этот упадок во многом был связан с социальными потрясениями, вызванными Первой мировой войной, в условиях которых этот подход "не работал", не объяснял реальность, и с мощной критикой, которой он был вследствие этого подвергнут. Основное

критическое замечание в адрес подхода социальной патологии заключалось в том, что он не свободен от ценностных суждений. Он предполагал согласие (часто подразумеваемое) относительно того, что представляет собой нормальное или “здоровое” состояние общества. Но какое общество можно считать нормальным? Что составляет болезнь или патологию? Любое общество включает в себя множество социальных групп, имеющих различные представления о нормальности и патологии. Представления каких групп использовались в рамках подхода социальной патологии при определении социальных проблем? По мнению Чарльза Миллса, подход социальной патологии исходил из определенных ценностей, а именно ценностей среднего класса, жившего в небольших городках и следовавшего протестантским идеалам. Миллс критиковал исследования социальных патологов, определяя их как нетеоретические и крайне необъективные¹. Другой критик этого подхода отмечал: “Очевидно, у нас нет норм, реальных или воображаемых, с которыми мы [все] могли бы согласиться. Кроме того, норму невозможно установить вследствие постоянно меняющегося характера общества. Каким же образом возможно знание того, что на самом деле является патологией в обществе? Ответ может быть только один: это знание невозможно”²

Прежде чем перейти к другим подходам к социальным проблемам, необходимо отметить, что ни одно из направлений социологии социальных проблем не исчезло окончательно с возникновением последующих. В настоящее время каждый из подходов к социальным проблемам, включая наиболее старый и простой подход социальной патологии, используется теми или иными исследователями, политиками и социальными работниками. Так, например, подход социальной патологии применительно к проблеме коррупции трансформируется в так называемый моралистический подход, сторонники которого видят причины этого явления в несовершенстве человеческой природы, низких моральных качествах носителей коррумпированных политических отношений³.

¹ См.: Mills, C.W. ‘The Professional Ideology of Social Pathologists’, in *The American Journal of Sociology*, Vol.60, September 1942, pp.165-180.

² Rosenquist, C.M. ‘The Moral Premises of Social Pathology’, in Rubington, E., Weinberg, M.S. (eds), *The Study of Social Problems*, N.Y./Oxford, 1995, p.49.

³ Более подробно о моралистическом подходе к коррупции см.: Шабалин В.А. Политика и преступность // *Государство и право*. – 1994. – №4. – С.47.

Традиционные социологические подходы к социальным проблемам. К традиционным в социологии социальных проблем относят прежде всего подходы социальной дезорганизации и функционалистский. Они считаются традиционными не только в силу относительной давности их возникновения, но и по причине длительного господства в рассматриваемой области социологического знания. Сразу отметим, что и в настоящее время характер многих социологических исследований, в том числе и отечественных, соответствует этим направлениям. Основной чертой этих подходов, так же, как и подхода социальной патологии, является объективизм – понимание социальных проблем прежде всего как “объективных” социальных условий.

Подход социальной дезорганизации возникает, с одной стороны, в контексте обострения социальных проблем, вызванного ускорением темпов миграции, урбанизации и индустриализации после Первой мировой войны, а с другой – в контексте становления социологии как научной дисциплины со своим предметом и понятийным аппаратом. С этой точки зрения, социальные проблемы являются следствиями социальной дезорганизации. Возникновение этого подхода принято связывать с публикацией фундаментального труда Уильяма Томаса и Флориана Знанецкого “Польский крестьянин в Европе и Америке” (1918-1920). Социальную дезорганизацию Томас и Знанецкий определяют как “уменьшение влияния существующих социальных правил поведения на индивидуальных членов группы”¹.

Они проводят различие между социальной дезорганизацией и индивидуальной, понимаемой как “снижение способности индивида организовывать всю свою жизнь для эффективной, прогрессивной и продолжительной реализации своих фундаментальных интересов”²

2

.

Сравнение понятия социальной дезорганизации в том виде, в каком его предлагают Томас и Знанецкий, и понятия аномии Эмиля Дюркгейма показывает, что они за исключением некоторых аспектов являются весьма близкими. Об этом свидетельствует, в частности, дюркгеймовское описание аномического самоубийства, где он использует

термины “аномия” и “социальная дезорганизация” в качестве синонимов: “В момент общественной дезорганизации – будет ли она происходить в силу болезненного кризиса или, наоборот, в период благоприятных, но слишком внезапных социальных преобразований – общество оказывается временно не способным проявлять нужное воздействие на человека, и в этом мы находим объяснение тех резких повышений кривой самоубийств, которые мы установили выше”³. Однако в целом понятие аномии, на наш взгляд, является более определенным, что и объясняет его широкое распространение в современной социологической науке.

Согласно Томасу и Знанецкому, одной из причин более или менее далеко идущего процесса дезорганизации является расширение связи и контактов

¹ Томас У., Знанецкий Ф. Польский крестьянин в Европе и Америке // Контексты современности – 2: Хрестоматия. – Казань, 1998. – С.51.

² Там же. – С.52.

³ Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд. – М., 1994. – С.237.

между определенной общностью и внешним миром (данное положение может использоваться и при объяснении некоторых реалий трансформации российского общества). У членов этой общности, как отмечают Томас и Знанецкий, развиваются новые установки, которые не могут адекватно контролироваться старой социальной организацией, поскольку не имеют адекватного выражения в старых первично-групповых институтах. Общность пытается защитить себя от дезорганизации методами, сознательно направленными на усиление влияния традиционных правил поведения. Однако эти попытки – часто эффективные, пока внешние контакты

ограничиваются некоторой отдельной областью интересов – становятся все менее и менее действенными, когда эти контакты продолжают развиваться и постепенно распространяются на все сферы социальной деятельности. Проблема в таком случае состоит не в том, как подавить новые установки, позволив им оставаться в том положении, при котором они выражают себя в индивидуальном бунте и социальной революции, а в том, как найти для них институциональное выражение, использовать их для социально продуктивных целей. Эта ситуация, согласно Томасу и Знанецкому, является общей для всех обществ в периоды быстрого изменения¹. По мнению Тамоцу Шибутани, мысль У.Томаса и Ф.Знанецкого о том, что социальная дезорганизация есть неотъемлемая часть процесса социального изменения, является одной из наиболее ценных идей в социологии

2

Подход социальной дезорганизации стал основой работы целой плеяды чикагских социологов (Р.Парк, Э.Берджесс, Р.Маккензи, Р.Каван, К.Шоу, Г.Маккей и др.). Рассматривая социальные проблемы как следствия социальной дезорганизации, они представили широкий спектр исследований подростковой делинквентности, самоубийств, умственных заболеваний, проституции, бездомности и т.д. В большинстве этих исследований использовалась идея различных уровней социальной дезорганизации, во-первых, в сельской и городской местности, во-вторых, в различных частях города. Последнее положение было сформулировано в известной теории концентрических зон, предложенной Эрнстом Берджессом.

Подход социальной дезорганизации также не остался вне критики. Критические замечания сводились к следующему. Во-первых, дезорганизация – это слишком субъективное и неопределенное понятие для анализа общества в целом, хотя оно может эффективно использоваться в исследованиях отдельных групп и институтов. Во-вторых, социальная дезорганизация предполагает разрушение предшествующей организации – ситуацию, которую вообще невозможно установить. С социальной дезорганизацией часто смешивается социальное изменение без указания на то, почему одни социальные изменения являются дезорганизирующими, а другие нет. В-третьих, социальная дезорганизация обычно считается чем-то “плохим”, что часто является ценностным суждением наблюдателя и членов его социального класса или

¹ См.: Томас У.Знанецкий Ф. Указ. соч. – С.50.

² См.. Шибутани Т. Социальная психология. – М., 1969. – С.468.

. другой социальной группы. В-четвертых, то, что представляется дезорганизацией, на самом деле может быть высокоорганизованной системой конкурирующих норм. Многие девиантные субкультуры, такие, как делинквентные шайки, организованная преступность, гомосексуальные сообщества, проституция, “беловоротничковая преступность”, включая политическую коррупцию, могут быть высокоорганизованными. Это убедительно показал Уильям Уайт в своей работе “Общество на углу улицы”¹, написанной по результатам четырехлетнего включенного наблюдения, основной вывод которой заключался в том, что итальянский квартал в Бостоне, представлявший “благополучным” жителям этого города перенаселенными, хаотическими, “дезорганизованными” трущобами с высоким уровнем преступности, в действительности являлся высокоорганизованной общностью со своим набором ценностей, норм и образцов поведения. Наконец, множество субкультур может благодаря своему разнообразию скорее способствовать единству или интеграции общества, нежели ослаблять его, порождая ситуацию социальной дезорганизации

2

. Подобного рода критика привела к попыткам найти иное, четкое и свободное от оценочности определение социальной дезорганизации. Примером таких попыток является идея социальной дезорганизации как нарушения “конститутивного порядка событий”, предложенная А.Коэном

3

В середине XX в. доминирующим направлением в социологии социальных проблем становится функционализм. Ключевые фигуры функционалистского подхода к социальным проблемам – Роберт Мертон и Роберт Нисбет. Одно из исходных положений, сформулированное Нисбетом и Мертоном, заключается в том, что между периодически возникающими социальными проблемами и ценностями и институтами культуры существует тесная и предсказуемая связь. “Социальные проблемы... часто связаны функциональными отношениями с институтами и ценностями”, – пишут Нисбет и Мертон⁴.

Например, социальная проблема алкоголизма, указывает Нисбет, во многом неотделима от социальной функции, выполняемой алкоголем во множестве значимых контекстов коммуникации – от семейного предобеденного коктейля через религиозные церемонии до обязательного дипломатического приема. Вследствие этого исследование

социальных проблем дает возможность глубокого проникновения в природу общества: его социальную структуру, систему нормативной регуляции, процессы организации и дезорганизации, образцы конформности и девиантности.

¹ Whyte, W.F. *Street Corner Society: The Social Structure of Italian Slum*, Chicago, 1943.

² См.: Clinard, M.B. 'A Disorganizing Concept', in Rubington, E., Weinberg, M.S. (eds.), *The Study of Social Problems*, N.Y./Oxford, 1995, p.82; см. также: Мартиндейл Д. Социальная дезорганизация: конфликт между нормативным и эмпирическим подходом // Беккер Г., Босков А. Современная социологическая теория. – М., 1961. – С.386-416.

³ См.: Коэн А. Исследование проблем социальной дезорганизации и отклоняющегося поведения // *Социология сегодня: проблемы и перспективы*. – М., 1965. – С.537-550.

⁴ Merton, R., Nisbet, R. (eds.) *Contemporary Social Problems*, N.Y, 1966, p.3.

Функционалистский подход к социальным проблемам заключается в выявлении условий или видов поведения, которые мешают реализации целей общества, препятствуют его ровному функционированию или приводят общество в неустойчивое, неравновесное состояние. Центральное место в ряду концептуальных средств этого подхода занимает, таким образом, понятие дисфункции как последствий какой-либо социальной деятельности, идущих вразрез с функциональными требованиями социальной системы и разрушающих институциональные связи. Определив дисфункциональные условия или виды поведения как социальные проблемы, функционалисты стремятся исследовать и объяснять их происхождение. По аналогии с различием явных и латентных функций функционалисты (Мертон) проводят различие между явными и латентными социальными проблемами. Социолог, согласно такой точке зрения, выступает экспертом,

роль которого заключается прежде всего в обнаружении и изучении латентных социальных проблем.

Вклад Мертона в изучение социальных проблем включает также анализ социальных проблем, соотносимых с девиантным поведением. Речь идет о его широко известной концепции девиантного поведения как симптома рассогласованности между целями, предписанными культурой, и социально структурированными средствами их достижения. Эта концепция содержит типологию приспособления (конформизм, инновация, ритуализм, ретритизм и мятеж) к этим культурным целям и институциональным средствам лиц, занимающих различное положение в социальной структуре¹. Концепция девиантного поведения Мертона объясняет возникновение целого ряда явных и латентных социальных проблем, соответствующих инновации (преступность, включая “беловоротничковую”, проституция и др.), ритуализму (бюрократизм), ретритизму (наркомания, хронический алкоголизм, психические заболевания, бездомность) и мятежу (политический терроризм, деятельность экстремистских групп). Мертон оговаривается впрочем, что ритуалистское приспособление в общем не является социальной проблемой, поскольку в сущности это внутреннее решение, а внешнее его проявление, хотя и не является предпочтительным в культуре, все же институционально разрешено.

Важно то, что различные социальные проблемы, соответствующие тем или иным видам девиантного поведения, рассматриваются Мертоном как следствие нормального реагирования людей на социальную ситуацию, в которой они оказываются. Он отказывается от поиска каких-либо особенных биологических или психологических предрасположенностей к девиантному поведению и, таким образом, решительно порывает с положениями подхода социальной патологии. “Наша главная задача, – пишет он, – состоит в том, чтобы понять, каким образом социальная структура побуждает некоторых членов общества к несоответствующему предписаниям поведению”².

¹ См.: Мертон Р.К. Социальная структура и аномия // СоцИс. – 1992. – №2-4. См. также главу 14 “Социология девиантного поведения” в настоящем учебном пособии.

² Мертон Р.К. Указ. соч. // СоцИс. – 1992. - №2. – С.118. Курсив мой – И.Я.

Критика традиционных подходов и альтернативные направления в социологии социальных проблем. Итак, традиционно под социальными проблемами понимались и понимаются некоторые “объективные” социальные условия – нежелательные, опасные, угрожающие, противоположные природе “социально здорового”, “нормально” функционирующего общества. На социологическом жаргоне – это проявления социальной патологии, социальной дезорганизации, дисфункции и т.д. Задача социолога с традиционной точки зрения заключается в том, чтобы выявить это вредное условие, проанализировать его, установить те социальные силы, которые способствовали его возникновению, и, возможно, предложить определенные меры по исправлению ситуации. Традиционные подходы, таким образом, являются объективистскими, трактующими социальные проблемы как социальные условия. Такое отношение настолько сильно укоренилось в сознании обществоведов, что без определенного мысленного усилия думать о социальных проблемах, например, преступности, безработицы, наркомании, распространения ВИЧ-инфекции, загрязнения окружающей среды иначе как о социальных условиях, характеризующихся такими показателями, как уровень преступности, темпы ее роста, численность безработных, людей, употребляющих наркотические вещества, ВИЧ-инфицированных и т.д., подчас бывает довольно трудно.

Объективистские подходы к социальным проблемам были подвергнуты в последней трети XX в. мощной критике, лейтмотив которой заключался в том, что объективистская трактовка социальных проблем не способствует пониманию процессов, связанных с возникновением и существованием социальных проблем, и развитию такой области исследования, как социология социальных проблем. Суть критических замечаний, часть которых сформулировал Герберт Блумер еще в 1971 г., сводится к следующему. Во-первых, социологи сами по себе просто не способны выявить, идентифицировать социальную проблему. Социологи распознают и начинают анализировать те или иные социальные проблемы только после того, как общество признает, что эти проблемы существуют. “Социологическое признание социальных проблем идет в кильватере социетального признания, меняя направление вместе с ветром общественной идентификации социальных проблем”¹. Во-вторых, “объективисты” не способны увидеть, что в основе возникновения и существования любой социальной проблемы находится субъективное суждение какой-либо группы или нескольких групп. Вследствие этого, объективистская теория, считающая социальные проблемы простыми отражениями объективных условий, “не может объяснить, почему одни условия определяются как проблемы, привлекая к себе самое серьезное общественное внимание, тогда как другие, одинаково пагубные или опасные, остаются без подобного определения”²

2

. В-третьих, объективистские подходы срывают

¹ Блумер Г. Социальные проблемы как коллективное поведение // Контексты современности – 2: Хрестоматия. – Казань, 1998. – С.66.

² Хилгартнер С., Боск Ч.Л. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен //

попытки построить такую область анализа, как социология социальных проблем, очертить ее предмет, разработать общую теорию социальных проблем, поскольку ведут к анализу социальных условий, связанных друг с другом лишь тем, что они оцениваются как нежелательные¹. Пытаясь оценить обоснованность этих замечаний, в частности последнего, зададимся вопросом: что общего, например, между такими социальными условиями в России, как преступность, бедственное положение людей с ограниченными физическими способностями, безработица, загрязнение среды обитания, ситуация с беженцами и вынужденными переселенцами? Действительно, сами по себе эти условия имеют между собой мало общего, поэтому понимание какого-либо одного условия не способствует пониманию других и развитию целостной социологии социальных проблем.

Средства массовой коммуникации и социальные проблемы: Хрестоматия. – Казань, 2000. – С.18.

Альтернативой объективизму в социологии социальных проблем в различное время были подходы ценностного конфликта, интеракционистский и конструкционистский, образующие субъективистскую традицию. Первые, еще нечеткие очертания субъективизма можно увидеть в работах Ричарда Фуллера и Ричарда Майерса,

заложивших в конце 1930-х – начале 1940-х гг. основы так называемого подхода ценностного конфликта²

. “Каждая социальная проблема, – пишут Фуллер и Майерс, – состоит из объективного условия и субъективного определения... Социальные проблемы – это то, что люди считают социальными проблемами”

³

. Эти исследователи первыми столь ясно показали значение субъективной составляющей социальных проблем, признавая все же, что другой составляющей являются объективные условия. Фуллер и Майерс пытались показать, что ценности, конфликт между ними – основная причина любой социальной проблемы. Фуллер и Майерс предложили также концепцию стадий существования социальной проблемы, которая заключается в том, что социальные проблемы не возникают сразу как нечто окончательное, созревшее, пользующееся вниманием общественности и вызывающее адекватную политику их решения. Напротив, они обнаруживают временной порядок развития, в котором могут быть выделены различные фазы или стадии, такие, как: 1) стадия осознания, 2) стадия определения политики и 3) стадия реформы. Социальная проблема, таким образом, понимается ими как нечто, всегда находящееся в динамичном состоянии “становления”.

Следующим важным звеном субъективистской традиции стала теория “наклеивания ярлыков”, предложенная Говардом Беккером и Эдвином

¹ Полач Д. Социальные проблемы с конструкционистской точки зрения // Средства массовой коммуникации и социальные проблемы: Хрестоматия. – Казань, 2000. – С.9.

² См.: Fuller, R.C., Myers, R.R. ‘Some Aspects of a Theory of Social Problems’, in American Sociological Review, 1941, Vol.6, February, pp.24-32; Fuller, R.C., Myers, R.R. ‘The Natural History of a Social Problem’, in American Sociological Review, 1941, Vol.6, June, pp.320-328.

³ Фуллер Р., Майерс Р. История социальной проблемы // Контексты современности – 2: Хрестоматия. – Казань, 1998. – С.55.

Лемертом в 1950-1960-е гг.¹ В рамках социологии социальных проблем это направление часто обозначается как интеракционистский подход. Его основанием является идея определения ситуации, предложенная Уильямом Томасом в 1928 г. (теорема Томаса): “если люди определяют ситуации как реальные, то эти ситуации реальны по своим последствиям”.

Сущность данного подхода заключается в утверждении, что социальные проблемы в значительной степени являются следствием общественной или социетальной реакции (включая ситуации моральной паники) и социального контроля. Г.Беккер формулирует это положение следующим образом, отмечая, что понятие “отклонение” в том виде, в каком оно используется в данном контексте, имеет много общего с понятием “социальная проблема”. “Отклонение создается обществом... Социальные группы создают отклонение, создавая правила, нарушение которых составляет отклонение, применяя эти правила к отдельным индивидам и наклеивая на них ярлык девиантов. С этой точки зрения, отклонение – это не свойство действий индивида, а скорее следствие применения другими индивидами правил и санкций к “нарушителю”. Девиант – это тот, на кого удалось наклеить этот ярлык; девиантное поведение – это поведение, на которое люди наклеили ярлык девиантного... Отклонение есть результат взаимодействия между некоторой социальной группой и тем, кого группа считает нарушителем правила”². В качестве примера, иллюстрирующего данное положение, Беккер указывает на проблему наркомании. Он утверждает, ссылаясь на целый ряд влиятельных работ в этой области, что проблема наркомании создана скорее реакцией на наркоманов со стороны правоохранительных органов, нежели специфическим действием наркотических веществ. По мнению ряда экспертов, наркоманы совершают кражи и включаются в другие виды преступной деятельности главным образом потому, что найти необходимые им наркотики они могут только на черном рынке, по цене, которая гораздо выше той, что была бы, если бы наркотики продавались легально.

Другое важное положение интеракционистского подхода состоит в том, что общественная реакция, заключающаяся в “наклеивании ярлыков”, усиливает поведение, нарушающее правила, и способствует обострению соответствующих социальных проблем. “Клеймение индивида в качестве девианта имеет важные следствия в отношении дальнейшего социального участия и самоопределения этого индивида. Наиболее важным следствием является радикальное изменение его публичной идентичности. Совершение действия, нарушающего правило поведения, если об этом становится известно окружающим, придает индивиду новый статус. Обнаруживается, что он не тот, за кого его принимали. На него наклеивается ярлык “гомосексуалист”,

¹ См.: Lemert, E. *Social Pathology: A Systematic Approach to the Theory of Sociopathic Behavior*, N.Y., 1951; Becker, H.S. *Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance*, N.Y., 1963; Becker, H.S. (ed.), *Social Problems: A Modern Approach*, N Y. 1966.

² Беккер Г. Аутсайдеры // Контексты современности – 2: Хрестоматия. – Казань, 1998. – С.61-62.

“наркоман”, “псих” или “сумасшедший”, и с ним начинают обращаться соответствующим образом”¹. После того, как на человека наклеен ярлык преступника или наркомана, “бомжа” и т.д., большая часть окружающих его людей ожидает от него продолжения нарушения норм общепринятого поведения. Это ограничивает жизненные шансы индивида и ведет его к принятию и развитию девиантной роли. Иными словами, ответ девианта на общественную реакцию часто заключается во вторичном отклонении (термин Э.Лемерта ²). Таким образом, общество своей подчас чрезмерно жесткой реакцией на первичное отклонение – первоначальное нарушение правила поведения – реакцией, которая заключается в наклеивании ярлыка девианта и соответствующих стереотипных ролевых ожиданиях, часто способствует усилению девиантности.

Иллюстрацией такого рода общественной реакции могут служить данные, представленные правозащитными организациями, которые действуют в России: в середине 1990-х гг. более 50% осужденных российскими судами к лишению свободы ранее не были судимы, в 1997 г. лишь к 2,5% осужденных несовершеннолетних суды применили виды наказаний, альтернативные ограничению или лишению свободы (штраф, лишение права заниматься определенной деятельностью, обязательные работы)³.

Характерным примером вторичного отклонения вследствие социетальной реакции является судьба многих бывших заключенных, которые сталкиваются с огромными

трудностями по возвращении из мест лишения свободы, при устройстве на работу, получении жилья, восстановлении отношений с близкими, элементарном обеспечении минимумом средств к существованию. Особенно серьезна эта ситуация в России, занимающей первое место в мире по числу заключенных на 100 000 населения⁴ и вместе с тем не имеющей какой-либо действенной системы социальной и психологической реабилитации людей, выходящих на волю. В российском обществе господствуют репрессивные установки по отношению к людям, совершившим преступление или даже только подозреваемым в его совершении. Так, согласно одному из положений статьи 60 Жилищного кодекса РФ, осужденные к лишению свободы на срок свыше шести месяцев теряли право на жилое помещение. В 1995 г. это положение было отменено, но фактически бывшим заключенным по-прежнему часто некуда возвращаться – ярлык человека, имеющего судимость, обычно обрубают прежние социальные связи и перекрывает возможности восходящей социальной мобильности. Многие из них становятся бездомными, совершают

¹ Беккер Г. Указ. соч. – С.64.

² См.: Лемерт Э. Социальная патология // Контексты современности – 2: Хрестоматия. – Казань, 1998. – С.58-61.

³ Досье на цензуру. – 1999. – №7-8. – С.21.

⁴ В России в 1996 г. на 100 000 населения было 690 заключенных, в США – 615. Для сравнения: в Англии и Уэльсе (1997 г.) этот показатель равнялся 120, в Германии, Италии и Испании (1995 г.) – 85, в Дании, Швеции и Нидерландах (1995 г.) – 65, в Норвегии и Ирландии (1995 г.) – 55, в Японии (1992 г.) – 36. См.: Стерн В. Западная традиция тюремного заключения // Досье на цензуру. – 1999. – №7-8. – С.59-60.

повторные преступления и возвращаются в колонии. По данным социологов, 40% бездомных в середине 1990-х гг. составляли бывшие заключенные, которые не могли получить жилье и работу¹. Ситуация усугубляется крайне тяжелыми условиями существования российских заключенных, распространением среди них туберкулеза, включая его лекарственно-устойчивую форму, ВИЧ-инфекции и других заболеваний.

С позиций интеракционистского подхода очевидно, что “борьба с преступностью”, основанная на ужесточении санкций, увеличении сроков лишения свободы и т.п., призывы к которой периодически раздаются из уст российских должностных лиц², приведет, как это ни парадоксально на первый взгляд, не к снижению уровня преступности, а к ее росту, поскольку гораздо большее число людей в этой ситуации подвергнется наклеиванию ярлыка преступника, следствием чего станет рост числа вторичных отклонений. С этой точки зрения, Закон РФ “О наркотических средствах и психотропных веществах”, вступивший в действие в апреле 1998 г., также является тупиковым вариантом решения проблемы наркомании.

Конструкционистский подход к социальным проблемам представляет собой наиболее последовательную и строгую субъективистскую позицию, хотя и среди его приверженцев ведутся споры по поводу надлежащей степени субъективизма в этой области. Основные идеи этого подхода были сформулированы Малькольмом Спектором и Джоном Китсьюзом в 1970-е гг.

³ Сущность этих положений заключается прежде всего в полном отказе от объективного социального условия как составляющей социальной проблемы. “Всякое определение социальных проблем, которое начинается словами: “социальные проблемы – это те условия...”, ведет в концептуальный и методологический тупик”

4

. Если социальные проблемы – это не условия, то что же? Конструкционисты предлагают отказаться от идеи социальных проблем как вида условий в пользу понимания социальных проблем как риторики. Спектор и Китсьюз определяют социальные проблемы как деятельность индивидов или групп по выражению недовольства и выдвижению утверждений-требований относительно некоторых предполагаемых условий. Социальные проблемы, с этой точки зрения, конструируются индивидами или группами, привлекающими внимание общественности к тем или иным условиям и выступающими с требованием их изменения.

¹ Стивенсон С.А. О феномене бездомности // СоцИс. – 1996. - №8. – С.26. См. также: Журавлев В. История жизни бомжа // Судьбы людей: Россия XX век (биографии семей как объект социологического исследования). – М., 1996. – С.179-206.

² Особенно выделяется в этом отношении В. Колесников, бывший первый заместитель министра внутренних дел РФ, ныне советник Генерального прокурора РФ.

³ См.: Spector, M., Kitsuse, J.I. *Constructing Social Problems*, Menlo Park, 1977. Этой работе предшествовал ряд статей: 'Social Problems: A reformulation', in *Social Problems*, Vol.20 (1973), pp.145-159; 'Toward a Sociology of Social Problems: Social conditions, value judgments, and social problems', in *Social Problems*, Vol.20 (1973), pp.407-419.

⁴ Спектор М., Китсьюз Дж. *Конструирование социальных проблем // Контексты современности – 2: Хрестоматия. – Казань, 1998. – С.77.*

Ключевыми в определении социальных проблем являются понятия “выдвижение утверждений-требований” (claims-making) и “предполагаемые условия”. Выдвижение утверждений-требований, то есть риторика требовательного характера, включает в себя ответы на вопросы анкет или интервьюеров при обследовании общественного мнения, подачу жалоб, обращения с письмами протеста, предъявление судебных исков, выступления в парламенте и средствах массовой информации, проведение пресс-конференций, митингов, пикетов, демонстраций, маршей-протеста, бойкотов, принятие резолюций и др. Слово “предполагаемый” используется конструкционистами с тем, чтобы подчеркнуть, что любое утверждение требовательного характера выдвигается относительно условия, предположительно существующего, а не в отношении условия, существование которого социологи хотели бы доказать. Сосредоточиваясь на процессе выдвижения утверждений-требований, конструкционисты оставляют в стороне вопрос о том, являются эти утверждения верными или ошибочными, существует данное условие или нет. Значение объективных условий для социологов этого направления заключается в утверждениях о них, а не в обоснованности этих утверждений, определяемой с некоторой независимой точки зрения. Для того, чтобы уберечься от тенденции “соскользнуть назад” к анализу условия, конструкционисты говорят о том, что даже существование самого условия, относительно которого выдвигаются утверждения-требования, не имеет значения для конструкционистского анализа: “Мы не касаемся того, существует предполагаемое

условие или нет”¹. Подобную строгую конструкционистскую позицию иногда называют феноменологической версией конструкционизма.

Конструкционизм предполагает принципиально иной по сравнению с объективизмом набор вопросов, которыми необходимо задаваться исследователю социальных проблем. Так, например, с позиций традиционного объективистского подхода к бездомности важными являются вопросы о численности бездомных в каком-либо городе, регионе или обществе, видах бездомности, о том, почему люди становятся бездомными, какова роль употребления алкоголя в субкультуре бездомных и т.д. Конструкциониста же интересует, представляет ли бездомность социальную проблему, то есть является ли она предметом беспокойства и обсуждения со стороны общественности, чьи утверждения-требования делают бездомность предметом общественного внимания, как эти утверждения типизируют бездомных, что делается для того, чтобы эти утверждения выглядели убедительными, как общественность и политики реагируют на эти утверждения-требования, как изменяются с течением времени эти утверждения, иными словами, какова их судьба, а следовательно, и судьба социальной проблемы бездомности². Исследование социальной проблемы бездомности в России предполагает, в частности, анализ деятельности таких организаций, как “Врачи без границ”,

¹ Спектор М., Китсьюз Дж. Указ. соч. – С.77.

² См.: Бест Дж. Конструкционистский подход к исследованию социальных проблем // Контексты современности – 2: Хрестоматия. – Казань, 1998. – С.80.

Фонд “Ночлежка”¹ и некоторых других, своими действиями прямо или косвенно привлекающих внимание к положению бездомных в российском обществе и, таким образом, конструирующих данную проблему.

Исключительно важное место в рамках конструкционистского подхода занимает модель стадий социальной проблемы Спектора и Китсьюза, более сложная по сравнению с версией Фуллера и Майерса. Она включает следующие стадии.

Стадия 1. Группа (или группы) пытается утверждать, что некоторое условие существует, определяет его как оскорбительное, вредное, нежелательное, предалает эти утверждения гласности, инициирует обсуждение, делает данное условие предметом общественного внимания и политического интереса.

Стадия 2. Признание обоснованности требований этой группы некоторыми официальными органами. Это может привести к официальному расследованию, предложениям реформы, созданию официальной организации с целью отреагировать на эти утверждения-требования.

Стадия 3. Повторное выдвижение утверждений-требований инициативной группой (или другими группами), выражающее неудовлетворенность установленным порядком ведения дел относительно данного условия, бюрократическим обращением с утверждениями-требованиями, неспособностью создать условия сотрудничества и доверия в рамках этого порядка и бездушным отношением к утверждениям-требованиям.

Стадия 4. Отказ группы, выдвигающей утверждения-требования, от надежды на деятельность официальной организации или института или отсутствие официальной реакции и разворачивание деятельности по созданию альтернативных, параллельных или противодействующих институтов².

Поясняя эту схему, необходимо подчеркнуть, что официальные органы часто реагируют на выдвижение утверждений-требований рутинным или неэффективным образом (стадия 2). В политической практике этой стадии соответствует создание специальных государственных комиссий. Последние, как правило, состоят из представителей правящей элиты и занимаются тем, что рассматривают факты, выслушивают мнения заинтересованных сторон и дают некоторые рекомендации. Эта процедура может продолжаться длительное время, в течение которого начальное условие или событие может измениться само собой. Правительство может отреагировать позитивно на эти

рекомендации, но в целом, не будучи связано ими, часто не предпринимает каких-либо практических действий. Третья стадия предполагает два возможных варианта развития событий: либо происходит возврат ко второй стадии (при этом требование группы может завязнуть этой “петле” и исчезнуть), либо происходит переход к четвертой стадии, когда группа решает, что необходимо создать альтернативу стадии второй. Группа может решиться на самостоятельные действия с целью исправления ситуации или сосредоточиться

¹ См., например web-сайт, созданный по инициативе Фонда “Ночлежка”:
<http://www.nadne.ru>

² См.: Spector, M., Kitsuse, J.I. Constructing Social Problems, p.142.

на неспособности официальных структур удовлетворить их интересы и попытаться изменить их более или менее энергичным образом.

Действенность этой модели для объяснения происходящего более очевидна в случае с социальными проблемами, возникшими относительно недавно. В случае с такой проблемой, как судьба российских военнопленных в зоне боевых действий федеральных войск в Чечне, создание комитетов солдатских матерей представляет собой четвертую стадию данной социальной проблемы. Отчаявшиеся родители солдат, оказавшихся в плену, после многочисленных обращений к официальным органам (Министерству обороны, Президенту и др.) с требованиями предпринять усилия по освобождению их сыновей и чаще всего неэффективных действий федеральных властей стали действовать самостоятельно, договариваясь с чеченской стороной и пытаясь вызволить пленных.

Стоит уточнить, что рассматриваемая модель не предполагает строгой последовательности обозначенных стадий. Более верным, по мнению конструкционистов, является взгляд на процесс социальной проблемы как на пересекающиеся, накладывающиеся друг на друга, одновременные взаимодействия.

Сильные стороны конструкционистского подхода заключаются в следующем. Во-первых, он предлагает четкое и последовательное определение социальных проблем как риторики, деятельности по выдвиганию утверждений требовательного характера относительно некоторых предполагаемых условий. Это определение положило начало эмпирически плодотворной традиции изучения социальных проблем¹; свой вклад в ее развитие вносят в последнее время и российские исследователи²

. Во-вторых, конструкционизм позволяет проникнуть в природу крайне изменчивого общественного признания тех или иных ситуаций социальными проблемами. Конструкционисты утверждают, что это признание, в большинстве случаев определяющее также признание

¹ В качестве примера конструкционистских исследований социальных проблем распространения ВИЧ-инфекции и загрязнения окружающей среды см. соответственно: Альберт Э. СПИД и пресса: создание и трансформация социальной проблемы // Средства массовой коммуникации и социальные проблемы: Хрестоматия. – Казань, 2000. – С.115-138; Сконфельд А.К., Мейер Р.Ф., Гриффин Р.Дж. Конструирование социальной проблемы: пресса и инвайронментализм // Средства массовой коммуникации и социальные проблемы. – С.139-184. О других конструкционистских исследованиях см.: Best, J. (ed.) Images of Issues: Typifying Contemporary Social Problems, N.Y., 1995; Miller, G., Holstein, J.A. (eds.) Social Problems in Everyday Life: Studies of Social Problems Work, Greenwich, Connecticut and London, 1997.

² См., в частности, работы Г.В.Еремичевой и Ю.Симпур: Грязь: символические и практические измерения социальных проблем в Санкт-Петербурге // Мир России. – 1995. – №2. – С.179-189; От грязи к преступности: динамика восприятия социальных проблем населением Санкт-Петербурга // Мир России. – 1997. – №2. – С.163-182; Недоверие как социальная проблема современной России // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1999. – №4. – С.145-159; Социальные проблемы повседневной жизни и восприятие их петербуржцами // Повседневность 90-х глазами петербуржцев. – СПб., 1999. – С.197-247.

социальных проблем социологами, зависит от степени успешности деятельности по выдвижению утверждений-требований. В-третьих, конструкционистский подход является основой для развития новых теорий – об утверждениях-требованиях, о тех, кто их выдвигает, процессе выдвижения утверждений-требований, конкуренции между утверждениями-требованиями, их аудитории.

Одной из наиболее важных концепций, разработанных в рамках конструкционистского подхода, является концепция публичных арен Стивена Хилгартнера и Чарльза Боска¹. Эти исследователи в дополнение к основным конструкционистским положениям выдвинули идею конкуренции между социальными проблемами за обладание такими ограниченными ресурсами, какими являются общественное внимание и пропускная способность средств массовой коммуникации и других арен публичного дискурса. В силу ограниченности этих ресурсов рост одной социальной проблемы как правило сопровождается упадком одной или нескольких других.

Наконец в области политики, включая социальную политику, и сфере публичных релейшнз конструкционизм может быть весьма полезным в качестве практического руководства по выдвижению утверждений-требований, своего рода технологии конструирования социальных проблем. По словам Джоела Беста, одного из ведущих теоретиков этого направления последних лет, конструкционистские исследования могут преподать ценные уроки тем, кто нацелен на конструирование социальных проблем. Выдвигающие утверждения-требования сталкиваются с реальными препятствиями: они должны привлечь внимание, заручиться поддержкой и сформировать политику. Конструкционистские исследования демонстрируют, как преодолевались эти препятствия теми, кто конструировал те или иные социальные проблемы в прошлом. В известном смысле они показывают, что работает, а что нет, и при каких обстоятельствах. Изучение результатов социологического анализа успешного и безуспешного выдвижения утверждений-требований может помочь тем, кто собирается выдвигать утверждения-требования, спланировать их собственные кампании².

Разумеется, конструкционизм как технология конструирования социальных проблем может использоваться в различных целях. Эти цели могут быть гуманистическими: с тем, чтобы вызвать определенные масштабные действия, направленные на улучшение положения тех или иных депривированных групп (бездомных, людей с ограниченными

физическими способностями, ВИЧ-инфицированных, заключенных и др.), необходимо прежде всего сконструировать социальную проблему – обратить внимание общественности и политиков на данную ситуацию, вызвать обеспокоенность, осознание необходимости принятия мер по изменению существующего положения.

¹ Хилгартнер С., Боск Ч.Л. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен // Средства массовой коммуникации и социальные проблемы: Хрестоматия. – Казань, 2000. – С.18-53.

² См.: Бест Дж. Указ. соч. – С.86.

Вместе с тем очевидно, что опыт конструирования социальных проблем, представляемый исследованиями конструкционистов, может использоваться, например, в ситуации политических выборов, когда тот или иной кандидат конструирует какую-либо социальную проблему и убеждает избирателей в том, что он способен ее “решить”. “Никогда заинтересованность политика в создании общественно значимых вопросов не является столь высокой, как в период выборов. Политик, который хочет быть избранным, должен создавать такие вопросы, в отношении которых он, а не его противник, занимает стратегически выгодную позицию”.¹

Одна из сильных сторон конструкционизма заключается также в том, что этот подход, отказываясь от понимания социальных проблем как статичных условий, предлагает рассматривать их в качестве последовательности определенных событий, составляющих деятельность по выдвижению утверждений-требований. Такая трактовка в гораздо большей степени соответствует процессуальной природе социальной реальности. Вследствие этого конструкционистский подход позволяет наиболее плотно вписать социальные проблемы в контекст трансформирующегося общества. С этой точки зрения социальные проблемы в российском обществе последнего десятилетия возникли в результате определенных трансформационных сдвигов, таких, как открытие каналов

взаимодействия, посредством которых возможно выдвижение утверждений-требований относительно тех или иных условий, – либерализация средств массовой коммуникации, появление конституционных гарантий права на свободный поиск, получение, передачу, производство и распространение информации любым законным способом, а также свободы деятельности общественных объединений и права на мирные собрания, митинги и демонстрации; развитие служб изучения общественного мнения и др. Одним из понятий, позволяющих описать сложные процессы, вызываемые возникновением социальных проблем, является понятие деконструкции социальных проблем как контрдеятельности, препятствующей выдвижению утверждений-требований относительно тех или иных социальных условий. Стоит отметить, что деконструкция социальных проблем была в социалистических обществах одной из основных функций служб государственной безопасности.

Все сказанное выше не означает отсутствия альтернатив конструкционистскому подходу. Разумеется, можно и нужно изучать преступность, коррупцию, наркоманию, алкоголизм, психические заболевания, бедность, безработицу, бездомность, беспризорность, положение людей с ограниченными физическими способностями, беженцев и вынужденных переселенцев и др. как социальные условия, не следует лишь оперировать при этом термином “социальная проблема”. Если же исследуется социальная проблема преступности или социальная проблема бездомности, то здесь приоритет несомненно за конструкционистским подходом. По крайней мере, с

¹ Ross, R., Staines, G.L. “The Politics of Analyzing Social Problems”, in Social Problems, Vol.20 (1972), p.23.

ним уже нельзя не считаться – начиная со второй половины 1980-х гг. именно конструкционизм определяет то направление, в котором развивается сейчас социология социальных проблем¹.

